

Завидев, как Бай Цзыму преспокойно швыряет гнилые капустные листья в её двор, Госпожа Цянь едва не задохнулась от возмущения.

Она уже набрала в грудь воздуха, чтобы разразиться площадной бранью, но в этот момент из дома вышли Хуцзы и Дядя Цянь. Совсем недавно дядя заставил сына со старшим братом взвешивать зерно, но Хуцзы, витая в облаках, раз за разом сбивался со счёта. В деле уплаты налогов лучше сдать лишнее, чем недодать хоть горсть, поэтому Дядя Цянь, опасаясь ошибки, лично следил за каждым движением сына.

— Что ты опять затеяла в такой день? — прикрикнул Дядя Цянь на жену. — Делать нечего? Если сил невпроворот, бери мешки и тащи на площадь.

Стражники обычно дожидались всех на току, не утруждая себя обходом каждого дома. Крестьяне сами доставляли туда зерно, выстраиваясь в длинную очередь для проверки и записи в реестры.

— Ты только посмотри на него, Хуцзы! — обиженно воскликнула Госпожа Цянь. — Отец твой вечно за чужих заступается. Разве это я скандалю? Глянь, Цзяны весь свой мусор к нам перекидали! И мне даже слова сказать нельзя?

Дядя Цянь не успел ответить — у ворот раздалось сухое покашливание, и во двор с хмурым видом вошёл Староста деревни.

— Что тут за шум? Зерно к сдаче готово?

Какой бы дерзкой ни была Госпожа Цянь, перед Дедушкой Чжоу она тушевалась и теперь стояла тише воды, ниже травы.

Староста не задержался. Одарив женщину ледяным взглядом, он направился к дому Цзянов. Эта часть деревни находилась на отшибе, далеко от тока, и Староста, опасаясь, что внучка по неопытности забудет заглянуть к этим нескольким семьям, решил лично напомнить им о сборах.

У него явно был серьёзный разговор к Цзян Сяои, поэтому он под благовидным предлогом отослал Бай Цзыму.

Оставшись не у дел, Бай Цзыму взглянул на небо. Цзян Сяоэр и Цзян Сяосань ушли довольно давно и до сих пор не вернулись. Поразмыслив, он решил выйти им навстречу.

Тем временем на сельской дороге Цзян Сяосаня снова подкараулил Чжан Дабао.

Малыш всего лишь хотел сбежать домой за своей корзинкой. Когда они собирались за овощами, он звал Бай Цзыму с собой, но тот, сославшись на дела, лишь ласково приласкал братьев, поцеловал каждого в макушку и угостил леденцами на палочке. Счастливые крохи, посасывая сладости, рука об руку отправились к огороду. Но когда овощи были сорваны, выяснилось, что класть их некуда — корзинку-то в суматохе забыли дома.

Сяоэр ходил немногим быстрее черепахи, а если бы улитка очень торопилась, то наверняка бы его обогнала. Поэтому Сяосань вызвался сбежать сам, пообещав обернуться в одно мгновение.

Капуста, которую посадил старший брат, уже начала желтеть по краям — если не собрать её сейчас для свиней, она просто сгниёт на грядке. Тащить охапки в руках было неудобно, да и одежда бы испачкалась, а Бай Цзыму строго-настрога наказал им следить за чистотой: мыть руки перед едой и чистить зубы по утрам.

Малыши не совсем понимали, что такое «гигиена», но Гэфу объяснил просто: это значит быть чистеньким. А чистеньких деток все любят.

Сяоэр послушно закивал и отпустил брата. Кто же знал, что едва Сяосань свернёт с тропинки, как его окружит банда Чжан Дабао.

— Беги-беги! Посмотрим, куда ты теперь денешься, — Дабао вместе с приятелями взял малыша в плотное кольцо.

Последние несколько раз Сяосаню удавалось ускользнуть, а потом он и вовсе выходил только под присмотром Бай Цзыму. Дабао долго ждал случая проучить его, и вот, наконец, добыча сама шла в руки.

— Дабао, что тебе нужно? — Сяосань сжался от страха. Он не отличался острым умом, но инстинкт самосохранения работал исправно.

Вид у Дабао был свирепый. Малыш попытался было рвануть в сторону, но задира крепко вцепился в его одежду.

— Я же предупреждал: попадёшься мне — побью!

— За что ты хочешь меня побить? — вскрикнул Сяосань. — Я же тебя не трогал!

— А просто ты мне не нравишься, — отрезал Дабао.

Маленьким задирам порой не нужен повод. Иногда им просто скучно, иногда хочется поразвлечься, а иногда — потешить своё жестокое нутро. Дабао обожал помыкать другими и метил в «короли» местной детворы. Сяосань не желал ему подчиняться, и это бесило Дабао больше всего.

Впрочем, Дабао не был совсем уж безмозглым. Он не трогал всех подряд — знал, что если часто колотить соседских детей, их родители придут разбираться. А если задирать кого-то изредка, взрослые спишут это на детские шалости. К тому же он знал массу способов поиздеваться: заставить лаять по-собачьи или катать себя на закорках. Главное — не оставлять сильных увечий. Деревенские и так побаивались его отца, так что всё обычно сходило ему с рук.

Но сегодня он решил проучить Сяосаня по-настоящему.

Всё потому, что недавно отец не взял его в город, а Сяосань там побывал, да ещё и со своим Гэфу... Говорили, что этот городской красавчик купил мелкому и пышные булочки, и танхулу. А только что Сяосань сосал розовый леденец — такой диковинки Дабао в жизни не видел.

Зависть жгла его изнутри.

Он с силой толкнул Сяосаня на землю и, не дав тому опомниться, наотмашь пнул его.

Малыш вскрикнул от боли и попытался вскочить. Дабао был куда крупнее и сильнее, так что Сяосань, улучив момент, толкнул самого щуплого из окруживших его ребят, надеясь прорваться. Заметив это, Дабао с рычанием набросился на него.

Остальные дети поспешно расступились. Раз уж «главарь» взялся за дело сам, им оставалось только смотреть и подзуживать.

— Давай, Дабао, врежь ему!

— За волосы хватай! Отец говорит, так больнее всего!

— Так его! Будет знать, как не слушаться!

Дабао придавил Сяосаня к земле. Малыш отчаянно брыкался, требуя отпустить его, но задира лишь сильнее вошёл в раж и дважды ударил его кулаком.

Сяосань, хоть и был мал, всё же рос будущим мужчиной, и в нём разыгралась кровь. Получив удары, он сжал кулачки и принялся беспорядочно отмахиваться. Один из ударов пришёлся Дабао прямо в нос.

Тот с самого детства не знал, что такое боль, и теперь, почувствовав резкую резь, невольно взвыл.

Дети вокруг замерли.

— Ой! — пискнул кто-то. — Дабао... у тебя кровь!

Задира опешил. Почувствовав на губах что-то тёплое и липкое, он вытер лицо рукой и увидел на ладони ярко-красное пятно.

— Цзян Сяосань, ты меня ударил! Я всё отцу расскажу! — заголосил Дабао. Его дом был совсем рядом, в сотне метров, и он истошно заорал: — Папа! Папа, где ты?! Меня побили! Скорее сюда!

Сяосань, увидев кровь, впал в оцепенение. Он помнил: когда Сяоэр харкал кровью, его увезли в город, в больницу. Доктор Цзян говорил, что брат очень болен, а семье Хуан пришлось платить много денег.

У них в семье денег не было. То, что Гэфу выручил за кобру, предназначалось для лечения Сяоэра. Без этих денег брату не купят лекарств, и ему снова станет плохо.

«Всё пропало...» — пронеслось в голове у малыша.

Он подвёл старшего брата и отца. Сяосань стоял, бледный как полотно, и даже не думал бежать.

Мясник Чжан выскочил из дома и, увидев окровавленное лицо сына, мгновенно налился яростью. Дабао был его единственным сокровищем, светом в окошке. Он пылинки с него сдувал, никогда не ругал, а уж о том, чтобы ударить, и речи быть не могло.

— Дабао, сынок мой!

Мясник подхватил сына на руки, допытываясь, что случилось. Тот, зажимая нос, ткнул пальцем в сторону Сяосаня и гнусаво запричитал:

— Папа, этот дурачок меня ударил! Отомсти за меня!

Будь на месте Сяосаня его брат Сяоэр, Мясник Чжан и пальцем бы его не тронул — пример семьи Хуан был слишком свеж в памяти. И дело даже не в деньгах — ради сына он бы не пожалел и нескольких сотен монет. Но если после побоев ребёнок умрёт, можно и в тюрьму загреметь. А вот Сяосань — дело другое. Мальчишка выглядел крепким: Мясник часто видел, как тот таскает из леса вязанки хвороста весом в добрую половину своего тела, да ещё и бегает при этом. Такого парой оплеух не убьёшь.

Вытерев сыну кровь и окончательно разъярившись, Мясник Чжан замахнулся на застывшего малыша.

Сяосань, обливаясь слезами, судорожно комкал края своей рубашки. Он чувствовал себя виноватым и не знал, что делать.

— Простите, дядя Чжан... Сяосань не хотел... Дабао первый начал...

— Заткнись! Смеешь врать мне в лицо? Мой Дабао — самый послушный ребёнок в деревне! Я тебя сейчас на месте пришибу, паршивец! Будешь знать, как на моего сына руку поднимать!

Мясник уже готов был обрушить тяжёлую ладонь на голову ребёнка, как вдруг за его спиной раздался голос.

— Только попробуй его тронуть.

Голос был ледяным, пропитанным такой неприкрытой угрозой, что у Мясника невольно ёкнуло сердце.

Сяосань, увидев Бай Цыму, словно обрёл спасение. Он бросился к нему и, вцепившись в ноги, зарыдал:

— Гэфу...

Бай Цыму, видя, как малыш заходится в плаче, почувствовал, как сердце обливается кровью. Он бережно отряхнул одежду ребёнка и поднял его на руки.

— Не бойся, я здесь. Скажи мне, кто тебя обидел?

Сяосань, размазывая слёзы по лицу, всхлипнул:

— Это Дабао... Он не пускал меня домой... Толкнул на землю, сел сверху и начал бить... За волосы дёргал, больно-больно! Сяосань ударил его в ответ, а у него кровь пошла... Гэфу, я не нарочно!

Бай Цыму перевёл взгляд на голову малыша. Утром он сам старательно заплетал эти волосы, приглаживая их так, чтобы ни один волосок не выбился. А теперь причёска превратилась в воронье гнездо, а забавный хвостик съехал набок.

Личико Сяосаня было испачкано слезами и пылью, в глазах застыл ужас. Бай Цыму едва сдерживал гнев. Когда он был пандой, эти двое вечно тискали его и «обижали», но став человеком, он и пальцем не решился тронуть этих крох.

Он сам себе этого не позволял, так как же посмел этот паршивец Чжан Дабао?

Мясник Чжан презрительно хмыкнул, окинув Бай Цзыму взглядом. Кроме смазливого лица, в этом парне не было ничего примечательного.

— Ну и как мы будем это решать? — бесцеремонно спросил он.

Раз уж вмешались взрослые, драться дальше было не по чину. Мясник потребовал, чтобы Сяосань извинился перед его сыном.

Бай Цзыму не выдержал и рассмеялся. Чтобы жертва извинялась перед мучителем? Таких шуток не понимали даже в его мире.

Его шури́н был таким крохотным, что весил от силы цзиней двадцать вместе с потрохами. Какая в его кулачке может быть сила? Разве что цыплёнка пришибить. А Дабао — рослый, крепкий, настоящий бычок. Кровь из носа пошла только потому, что это самое нежное место. Вон, он уже и выть перестал. Если бы действительно было больно, разве бы он так быстро успокоился?

Бай Цзыму прекрасно знал, что это за фрукт. В прошлый раз этот негодяй заставлял Сяосаня лаять! Тогда он сдержался, но сейчас...

Этот кабан наверняка наставил малышу синяков. Если он и это стерпит, то может смело зваться не пандой, а бесхребетным слизнем.

Мясник Чжан увидел, как Бай Цзыму устроил Сяосаня у себя за спиной, велел тому крепко держаться за шею, и направился прямо к Дабао. Он решил, что городской парень хочет лично принести извинения, но не тут-то было.

Бай Цзыму подошёл к задире, смерил его мрачным взглядом, а затем одним резким движением перекинул его через колено. Бесцеремонно спустив с мальчишки штаны, он, прежде чем кто-либо успел опомниться, отвесил ему несколько увесистых шлепков.

Вот это была настоящая боль. Когда Бай Цзыму играл с братьями, его шлепки были звонкими, но лёгкими. Сейчас же он вложил в удары всю свою досаду.

Дабао снова взвыл, да так, что лицо его побелело. Ему казалось, что задницу просто разрывает на части.

— А-а-а! Больно! Папа, спаси! Убивают! — закричал он.

Друзья Дабао, обливаясь холодным потом и опасаясь, что и им перепадёт, в ужасе разбежались.

Мясник Чжан не ожидал такой наглости. Чтобы кто-то посмел ударить его сына прямо у него на глазах?! Его лицо исказилось от ярости. Никто и никогда не смел так пренебрегать его авторитетом.

Придя в себя, он с рёвом бросился на Бай Цыму, намереваясь разmozжить ему голову кулаком:

— Ах ты дрянь! Сдохнуть захотел?!

Но Бай Цыму среагировал мгновенно. С кошачьей грацией он уклонился и, выставив ладонь, с поразительной лёгкостью остановил пудовый кулак мясника.

— Ты ещё и на меня руку поднимаешь? Какая дерзость.

Он чуть склонился вперёд, прищурившись. От этого взгляда у Мясника Чжана внутри всё похолодело.

— Дам тебе совет, — прошипел Бай Цыму. — Прежде чем лезть в драку, узнай, с кем имеешь дело. Иначе и глазом моргнуть не успеешь, как отправишься на тот свет.

Мясник почернел от злости:

— Щенок, ты мне ещё угрожать вздумал?! Ну всё, не видать тебе завтрашнего дня!

Он снова замахнулся, но Бай Цыму сработал на опережение, нанеся короткий и точный удар в живот.

Шум на дороге поднялся такой, что не заметить его было невозможно. Кто-то из соседей, друживших с семьёй Цзян, тут же закричал:

— Скорее! Бегите за Цзян Сяои!

Сам Сяои в это время потчевал чаем Старосту. Дедушка Чжоу пришёл не просто так — его интересовало, кто такой этот Бай Цыму, откуда взялся и всё ли с ним чисто. С одной стороны, он беспокоился за Сяои, с другой — как глава деревни, он обязан был знать всё о «пришлых». Людей сомнительных в деревне не жаловали.

Сяои показал ему документы Бай Цыму. Староста, увидев официальную печать, нахмурился. Оформить бумаги в обход него, без его поручительства, да ещё и с пропиской в их деревне... Это было непросто. Обычному человеку такое не под силу. Значит, либо у парня есть связи в управе, либо документы поддельные. Но печать была настоящей — Староста видел их не раз и умел отличать подделку.

— Так этот Бай Цзыму и вправду беженец...

— Сяои! Сяои! — во двор, задыхаясь, вбежал один из сельских фуланов.

— Что случилось? — Сяои вскочил с места.

— Беда! Твой-то с Мясником Чжаном на Склоне Лювань сцепился! Беги скорее, пока беды не вышло!

Староста так и подпрыгнул. Мясник Чжан — это вам не шутки! Здоровенный детина, который в одиночку борова завалит. Обычному мужику с такой скотиной не справиться, а тут — тонкий да звонкий Бай Цзыму. Один удар мясника — и парень отправится напрямик к Мэн-по за порцией супа забвения.

Сяои похолодел. Будь Бай Цзыму в полной силе, он бы не волновался — тот в облике панды одной левой поднимал Лавочника Суня. Но сейчас-то он был слаб! Сяои, не помня себя от страха, схватил коромысло и бросился к выходу.

Прибежав на Склон Лювань, он не нашёл там Бай Цзыму. Только Чжан Дабао сидел на земле и истошно ревел.

— Где мой муж?! — крикнул Сяои, не заботясь о приличиях.

Окружающие не сразу поняли, о ком речь, но потом сообразили: хоть свадьбы и не было, парень-то живёт в его доме.

— Мясник Чжан к началу деревни рванул!

— Я про мужа спрашиваю!

— Так он за ним погнался!

Сяои, сжимая коромысло, помчался к окраине. Староста, отдуваясь, поспедал следом.

— Как же так... Мясник Чжан — и бежит? — недоумевал Дедушка Чжоу.

Один из очевидцев сбивчиво пояснил:

— Да зять Сяои его так отделал, что тому только и осталось, что пятками сверкать! Сначала Мясник хотел его ударить, а тот Дабао отшвырнул, руку Чжана перехватил и как даст ему в пузо! Мясника аж наизнанку вывернуло, вон, полюбуйте, до сих пор лежит...

На земле и впрямь красовалась куча полупереваренной каши.

— А парень-то, видать, не на шутку осерчал. Начал Мясника за волосы таскать да пинками награждать. Тот не выдержал и дал дёру.

— Да из-за чего всё началось-то? — допытывался Староста.

— Да Дабао, паршивец, опять к Сяосаню пристал. Малыш отбивался, нос ему расквасил, а Мясник решил за сына отомстить. Ну, Бай Цзыму это увидел и всыпал Дабао по первое число.

Дальше объяснять не требовалось. Вся деревня знала, как Мясник Чжан трясётся над сыном. Бай Цзыму ударил его сокровище — и Мясник, конечно, полез в драку.

Староста поспешил дальше. На полпути он встретил взмокшего Сяои, который всё так же сжимал своё коромысло.

— Сяои, нашёл его? Не натворил он дел?

Молодые — они горячие, в гневе и убить могут.

— Тётушка Ян говорит, они к концу деревни убежали! — выдохнул Сяои.

Староста только крикнул. Они развернулись и припустили в другую сторону, а за ними — уже добрая половина деревни, жаждущая зрелищ. Налоги налогами, а такое шоу пропускать нельзя.

В конце деревни беглецов тоже не оказалось. У дороги стоял Дядя Цянь с таким выражением лица, будто не знал — то ли смеяться, то ли креститься.

— Видел их? — крикнул Староста.

Ещё бы не видеть! Мясник Чжан летел впереди, а Бай Цзыму — следом, да ещё и камнями в него швырял. Мясник, видя, что преследователь не отстаёт уже два ли, перепугался до смерти и, завывая как побитый пёс, звал на помощь.

Дядя Цянь едва сдерживал хохот. Он указал рукой на узкую тропку: Мясник, мол, совсем голову потерял от страха и снова к началу деревни кругом припустил.

Сяои и Староста переглянулись и снова побежали. За ними — топот десятков ног.

Ещё не дойдя до места, они слышали истошные вопли Мясника Чжана.

Когда толпа, наконец, настигла их, люди замерли, не зная, как реагировать.

Бай Цзыму, который в деревне ходил в старой одежде отца Сяои, успел скинуть верхнюю рубаху, оставшись в странной белой нательной сорочке с коротким рукавом. Сяосаня он не бросил — малыш, словно маленькая обезьянка, был крепко примотан к его спине широким поясом.

И вот картина: Бай Цзыму крепко держит Мясника Чжана за шиворот, а в другой руке у него — тонкий гибкий прутик. И он, словно строгий отец, поучающий нерадивое дитя, методично и с оттяжкой охаживает здоровенного мясника по заду.

<http://bllate.org/book/13701/1592097>